

Грязнов Сергей Александрович

канд. пед. наук, доцент, декан

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»

г. Самара, Самарская область

**О СВЯЗИ ДЕМОНСТРАЦИИ НАСИЛИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ С КРИМИНАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ГРАЖДАН:
ФЕНОМЕН «ПРЕСТУПЛЕНИЯ-ПОДРАЖАНИЯ»**

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема влияния демонстрации насилия в средствах массовой информации на формирование криминального поведения у граждан в рамках концепции «преступления-подражания». На основе анализа теоретических моделей, результатов экспериментальных, корреляционных и лонгитюдных исследований, а также документированных кейсов выявлен многоплановый характер связи между медийным насилием и реальным преступным действием. Основной вывод состоит в том, что медийное воздействие само по себе не детерминирует криминализацию, его влияние реализуется через посредничество психологических механизмов, а также при наличии модераторов – личностной уязвимости, социального контекста, доступности средств совершения преступлений и характеристик самого контента.*

***Ключевые слова:** медийное насилие, подражательное преступление, социальное научение, модераторы влияния, медиаграмотность, ответственное освещение событий, профилактика преступности.*

Вопрос о том, способствует ли демонстрация насилия в СМИ повторению и эскалации реального криминального поведения, является одним из наиболее острых и спорных в современной социальной и криминологической науке. На первый взгляд, положение кажется интуитивно понятным: массовая распространенность изображений насилия, их эмоциональная насыщенность и доступность должны повышать вероятность того, что часть аудитории воспроизведет увиденное. Однако эмпирическая картина сложнее: влияние медийного насилия проявляется через совокупность психологических механизмов и зави-

сит от множества модераторов – от индивидуальных предрасположенностей и социальных условий до характеристик самого медиаконтента и способов его представления. Рассмотрение теоретических оснований, эмпирических данных и конкретных примеров позволяет выстроить взвешенное представление о феномене «преступления-подражания» и выработать прагматичные рекомендации для политики и практики.

Теоретические основания проблемы восходят к классическим моделям научной психологии и коммуникации. Эксперимент Альберта Бандуры с «куклой Бобо» показал, что дети, наблюдавшие агрессора, с большей вероятностью воспроизводили агрессивные действия. Гипотеза культивации Джорджа Гербнера добавляет макросоциальную перспективу: регулярное воздействие стремительно повторяющихся медийных образов формирует у зрителя устойчивые представления о мире как опасном и агрессивном, что меняет его поведенческие ожидания и допустимые нормы. Механизмы десенсибилизации, при которых повторный контакт с насилием снижает эмоциональное отторжение и сочувствие, а также когнитивные процессы приминга (активация агрессивных схем) и возбуждения служат дополнительными объяснительными звеньями. Наконец, концепция «социальных сценариев» подчеркивает, что медиа не только изображают поведение, но и предлагают сценарии его обоснования, мотивировки и разрешения конфликтов – что особенно значимо при идентификации зрителя с антагонистом.

Эмпирические данные по проблеме носят разрозненный характер. Некоторые исследования демонстрируют стабильные, хотя и ограниченные по объему, эффекты: короткие сессии просмотра сцен насилия повышают уровни агрессивных мыслей, враждебности и иногда агрессивного поведения в контролируемых задачах у испытуемых [1]. Однако перенос этих результатов на реальную криминальную деятельность затруднен: лабораторные меры агрессии очень условны и не эквивалентны совершению преступления. Долговременные корреляционные и лонгитюдные исследования дают смешанные результаты: ряд работ указывает на статистическую связь между высокой степенью потребления

агрессивного контента и повышенным уровнем агрессивного поведения в отдельных подгруппах (особенно у молодых с предшествующей агрессивной историей), тогда как другие мета-анализы фиксируют небольшие или нестабильные эффекты, существенно зависящие от методологии и учета смешивающих факторов. Политико-медийно значимые исследования по «заразности» особо резонансных преступлений показывают более четкие эмпирические сигналы.

СМИ и общество не раз фиксировали случаи, когда исполнители преступлений либо прямо ссылались на фильмы, видеоигры или популярные сюжеты, либо копировали элементы их сценария. Так, недавние подражательные преступления были вдохновлены такими культовыми фильмами, как «Прирожденные убийцы», «Матрица»; видеоиграми (Grand Theft Auto); телесериалами («Декстер» «Бумажный дом») [2]. Однако при анализе механизмов «подражания» важно выделять ключевые модераторы, которые объясняют, почему далеко не все зрители переходят от наблюдения к действию. Во-первых, личностные характеристики (ранее проявленная агрессия, психосоциальная уязвимость, наличие импульсивности, склонность к идеализации насилия) существенно повышают вероятность опасного примера. Во-вторых, критическое значение имеет социальный контекст: наличие доступа к средствам совершения преступления (оружие), поддерживающие преступность социальные сети, отсутствие контроля со стороны взрослых (в контексте подростков) и институций, превращает медийный триггер в реальную угрозу. В-третьих, характеристики самого медийного сообщения: степень реализма, детализация метода, гламуризация (романтизация) преступника и уровень идентификации аудитории с ним увеличивают риск подражания. В-четвертых, способы подачи информации (сенсационность, многократность и повторение, акцент на мотивах исполнителя и его «легенде») оказывают усиленное действие на эффект доступности и идентификации.

Таким образом, методологические ограничения и противоречия в литературе требуют осторожности в выводах. Корреляционные исследования не могут однозначно разграничить направление причинно-следственных связей. Например, склонные к насилию индивиды могут предпочитать агрессивный контент

(эффект селекции), что искажает оценку влияния СМИ. Кроме того, отсутствует контроль за ключевыми смешивающими переменными: социо-экономическим статусом, семейной ситуацией, прошлой криминальной историей и психопатологией; также экспериментальные исследования часто имеют небольшие объемы и непрямую трансляцию в реальные криминальные практики. Следовательно, совокупность данных не позволяет утверждать об исключительной ответственности медиа, а скорее об их потенциальной роли как одного из факторов риска в сложной многофакторной системе формирования преступного поведения.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что практическая перспектива последствий исследования феномена «преступления-подражания» находится в двух плоскостях: регулирование содержания и этика освещения. Так, на уровне СМИ рекомендуется избегать сенсационной подачи, детального описания способов совершения преступлений и гламуризации (романтизации) исполнителей. В отношении репортажей о массовых преступлениях и суицидах разработаны специальные руководства, направленные на минимизацию эффекта копирования (например, рекомендации ВОЗ по ответственному освещению суицида). В области художественного и развлекательного контента также существуют определенные меры: пометки возрастных ограничений, предупреждающие титры, эмпатическая репрезентация жертв и контекстуализация насилия как социального зла, а не средства самоутверждения. Следует подчеркнуть, что практика ограничения подробностей и снижения культа перформеров преступлений уже применяется в ряде медийных и правоохранительных стратегий – это отказ от многократного повторения имен и портретных материалов, фокусирование на последствиях преступления и путях предотвращения, предоставление обществу информации о службах помощи и профилактике [3].

В заключение, необходимо отметить, что активная научная дискуссия указывает на важность многоуровневых исследований высокой методологической строгости (лонгитюдные когорты, обработка смешивающих переменных, изучение механизмов идентификации и десенсибилизации), а также практическую необходимость разработки и внедрения стандартов ответственного освещения и

образовательных программ по медиаграмотности. Сбалансированная политика, которая будет сочетать свободу слова с этическими и превентивными мерами, способна снизить риск совершения «преступления-подражания», не превращая культуру и искусство в объект излишнего цензурирования.

Список литературы

1. Малеев А.Л. Изучение влияния жанра используемых подростками компьютерных игр на их уровень агрессивности / А.Л. Малеев, Е.В. Малеева, М.Ю. Тараканов // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15. №2-2. – С. 273–285. DOI 10.25726/c1772-0994-0282-j. EDN OFZOQG

2. Lam J. Has Netflix's La Casa de Papel inspired real-life money heists? / J. Lam // GQ Australia. – 2019 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.gq.com.au/culture/entertainment/has-netflixs-la-casa-de-papel-inspired-real-life-money-heists/news-story/37feda706e2193b852cba885010c71fe> (date of application: 30.01.2026).

3. Машекуашева М.Х. К вопросу о роли средств массовой информации в предупреждении преступности / М.Х. Машекуашева // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16. №5. – С. 253–256. EDN HQDAYP